

Французское издательство «Галлимар» выпустило два сборника: «Письма Бориса Пастернака к его друзьям-французам» (1956—1960), Элен Пельтье-Замойской и Жаклин де Прауйяр, и «Дело Пастернака». Из архивов ЦК и политбюро ЦК КПСС». Оба сборника изданы по-французски: первый включает французские письма Пастернака к двум замечательным женщинам, его друзьям, оказавшим ему в самые трудные годы ряд неоценимых услуг. Их подготовила к печати Жаклин де Прауйяр; она же написала вступительные статьи и комментарии к обоим сборникам.

Русский читатель уже знаком с письмами к Жаклин де Прауйяр — они были в 1992 году опубликованы в «Новом мире» по-русски. Письма к Элен Замойской публикуются впервые.

Вступительная статья к «Делу Пастернака» дает сжатый очерк жизни и судьбы поэта. Статья к «Письмам» носит скорее мемуарный характер: в ней Жаклин де Прауйяр рассказывает о своем знакомстве с Пастернаком в 1957 году и тех отношениях, которые отразились в их переписке.

Сборник «Дело Пастернака» (перевод с русского Софии Бенеш) имеет свою, очень любопытную предысторию. Документы из архива ЦК стали доступны только после путча 1991 года и были тогда же предложены одному русскому издательству, которое, впрочем, вынуждено было от них отказаться — у него не было бумаги. Тогда сенсационные документы предложили итальянскому издательству, но и оно отказалось тоже. Наконец в 1992 году материалы были приняты издательством «Галлимар», которое и выпустило их в свет.

При этом в самом начале издателям были доступны только 60 документов; однако благодаря настойчивости наследников поэта удалось получить (уже из секретных архивов ЦК, перешедших под контроль Ельцина) еще 20 сверхсекретных и по этому особенно ценных документов.

Сегодня документально подтверждено, что президиум ЦК КПСС и особенно его отделы культуры и связи с иностранными коммунистическими партиями вели долгую и упорную борьбу против Пастернака, чтобы помешать публикации на Западе его романа «Доктор Живаго». Когда же эту публикацию предотвратить не удалось, всю свою мощь президиум ЦК (бывшее политбюро) использовал, чтобы заставить Пастернака отказаться от Нобелевской премии.

В середине 50-х годов роман стал распространяться в самиздате. Круг его читателей расширялся. Жаклин де Прауйяр вспоминает: «Я разделила участь бесчисленных русских, которым на протяжении трех десятилетий приходилось читать роман залпом, за одну ночь, после чего вся их концепция мира была взорвана».

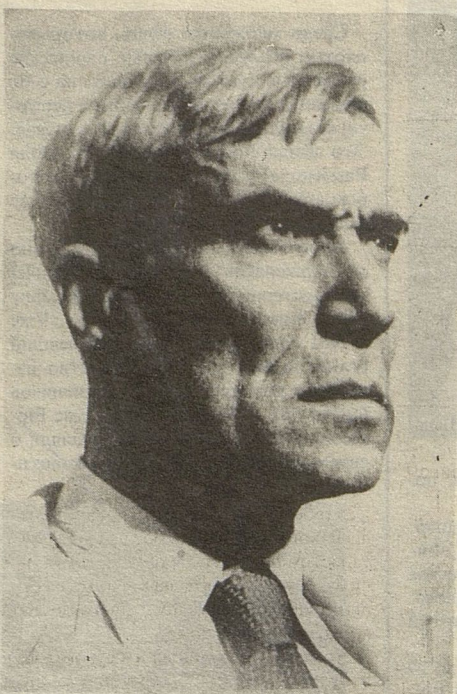
С 1956 года роман уже лежал в редакциях трех московских журналов. Одни отказывались, другие отмахивались. В это время московское радио на итальянском языке объявило о предстоящей публикации в Советском Союзе нового романа Пастернака. Узнав об этом, итальянский издатель Фельтринелли, тогда коммунист, попросил своего литературного агента достать рукопись пастернаковского романа. Агент Серджо д'Анджело, тоже коммунист, приехал к Пастернаку — официально, конечно! — и получил рукопись.

Фельтринелли еще не приступил к печатанию, а КГБ уже сообщил в ЦК КПСС (25 августа 1956 года) о том, что он собирается это сделать.

Через шесть дней пришло сообщение о том же от Д.Шепилова, тогда министра иностранных дел. В этом сообщении роман Пастернака охарактеризован как «злостный памфлет против СССР» (документ №1). К нему был приложен доклад Управления культуры за подписью Д.Поликарпова и И.Черноуцана — о том же. Тут же, кроме общей характеристики («злостная клевета на нашу революцию и на всю нашу жизнь», «идеологически порочное произведение», «антисоветская книга»), излагалось, с партийной точки зрения, содержа-

Le dossier de l'affaire Pasternak. Archives du Comité Central et du Politburo. Trad. du russe par Sophie Benesch. Préf. de Jacqueline de Proyart. Paris, Gallimard, 1994.
Boris Pasternak. Lettres à mes amies françaises. 1956—1960. Introd. et notes de Jacqueline de Proyart. Paris, Gallimard, 1994.

Русская мысль. Париж. — 1995. — 14 сент. — с. 16. Документы эпохи

Борис Пастернак. 1957.

ние романа и сообщалось, что отдел по связям с иностранными компартиями «принимает меры, чтобы помешать появлению за границей этой клеветнической книги».

Документ 2 отдела по связям с иностранными компартиями датируется 24 октября 1956 г., что «товарищи обещали принять меры». На документе подписи читавших — Брежнев и Шепилова.

16 января 1957 года тот же отдел и отдел культуры сообщают, что 17 января в Москву прибывает «товарищ Луиджи Лонго, через которого можно послать строптивому Фельтринелли телеграмму от имени Пастернака, чтобы он возвратил рукопись, а также втолковать «нашему итальянскому товарищу необходимость принятия, с помощью наших друзей, срочных мер для заполнения рукописи и возвращения ее в СССР» (по-видимому, в ЦК понимали, о каких мерах идет речь).

Через семь месяцев — опять доклад отдела культуры. О принятых (безрезультатно) мерах и о тех, которые бы еще следовало принять, чтобы помешать «или, по крайней мере, задержать» печатание «Доктора Живаго» в Италии. Подписано Рюриковым, прочитано Сусловым.

И тут же приложена справка, что беседа с Лонго, Серени и Аликата состоялась, а также письмо Фельтринелли с заверениями, что он не выпустит роман прежде сентября месяца, «когда тот выйдет в Советском Союзе». И далее идет отзыв о романе, который представляет большую литературную ценность: «Мы считаем, что проза Пастернака напоминает пушкинскую... «спорные моменты полностью возмещаются положительными», а для издательства Фельтринелли «издательская практика не отделима от политических взглядов».

30 июня 1957 г. Пастернак пишет Фельтринелли, чтобы тот не обращал внимания ни на какие документы, им написанные, если они будут НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. Как справедливо замечает Жаклин де Прауйяр, Пастернак «хорошо знал литературные и полицейские обычаи своей страны».

Естественно, телеграмма Пастернака от 21 августа 1957 года, посланная Фельтринелли по настоянию отдела культуры, с просьбой как можно скорее вернуть ему рукопись, не возымела никакого действия. В сборнике оба документа приведены.

В начале октября 1957 г. «Международная книга» сообщает о своих неудавшихся попытках помешать печатанию романа в Англии (изд. Коллинз) и во Франции (изд. Галлимар).

И вот 15 октября 1957 г. роман «Доктор Живаго» вышел в свет на итальянском языке.

З течение всего 1958 года роман Пастернака продолжает оставаться

бестселлером на книжных прилавках Европы и Америки, во Франции за один только август — обычно для книг это мертвый сезон! — вышло четыре издания.

И вдруг...

Письмо Бориса Полевому в ЦК КПСС (Док. №19): «Некоторое время назад Союз писателей был информирован западными друзьями, что реакционные силы, находящиеся на жаловании у США, оказывающие давление внутри комитета по Нобелевским премиям, намереваются, чтобы досадить СССР, присудить Нобелевскую премию по литературе Борису Пастернаку за его творчество в целом и за роман «Доктор Живаго», не изданный в СССР, но публикация которого вызвала сенсацию на Западе. Наши друзья предупреждают, что есть риск возникновения в этой связи новой антисоветской кампании по поводу отсутствия свободы творчества в СССР, политического давления, оказываемого на некоторых писателей и т.д.

Сообщая об этом Центральному комитету, мы хотели бы получить инструкцию, какую позицию заранее занять в этом деле, а также, какие должны быть приняты меры».

(Подпись)

Это письмо было послано в сентябре 1958 г.

Но было уже поздно. 23 октября 1958 г. Нобелевская премия по литературе «За важные достижения в области современной лирической поэзии и в великой эпической традиции России» была присуждена Борису Пастернаку.

Секретарь Шведской Академии Эстерлинг отправляет посольству СССР в Швеции поздравительную телеграмму. По совсекретному решению президиума ЦК КПСС (подхваченному министерством иностранных дел и пр и др.) присуждение этой премии Пастернаку объясняется актом, враждебным Советскому Союзу, «предназначенным возродить холодную войну».

По совету Суслова (док. 22), писатель и сосед Пастернака по даче в Переделкине Константин Федин отправляется уговаривать того отказаться от премии...

Письмо Пастернака (очень достойное) президиуму ССП, объясняющее, что Нобелевская премия — честь не только для него, но и для всей страны (док. 28), — то, о котором кто-то точно заметил, что это «разговор звездочета с полотерами». Доклад начальника отдела культуры Поликарпова о партсобрании и общем собрании Союза писателей — в сущности, сокращенный протокол этих собраний, иллюстрирующий все то же: высмеянный современниками спор (док. 29). На этом собрании присутствующими была единогласно принята резолюция об исключении Пастернака из Союза. 26 писателей отсутствовали по разным причинам: среди них А.Твардовский, М.Шолохов, Б.Лавренев, С.Маршак, И.Эренбург, Вс.Иванов («Близкий друг Пастернака», — не преминул отметить Поликарпов), Л.Леонов, Н.Погодин и др.

А тем временем пропаганда не стоит на месте: организованно идет поток негодующих «писем трудящихся». Мы еще помним, что почти каждое начиналось так: «Я Пастернака не читал, но...». В книге они упомянуты в отчете МК партии о том, как реагирует общественное мнение (док. 32). Документ 33 — нам в ту пору неизвестный — телеграмма из Парижа, подписанная председателем ПЕН-Клуба Андре Шамсоном и секретарем Давидом Карвером: «Внимание Союза писателей Международного ПЕН-Клуба очень озабо-

чен слухами по поводу Пастернака и просит вас принять под защиту поэта, создав вокруг него атмосферу свободы, благоприятную для творчества. Писатели всего мира считают его своим собратом».

Письма самых знаменитых английских писателей из Лондона: «Мы чрезвычайно обеспокоены».

Телеграмма из Лондона от 30 октября: «Писательская общественность глубоко возмущена...»

Телеграмма из Стокгольма — студенты возмущены...

Из Вашингтона, от Ирвинга Стоуна: «Это нам напомнило Гитлера, за претившего Освекому получить Нобелевскую премию перед войной».

Письмо Пастернака Хрущеву (документ №34), в котором он извещает о своем отказе от Нобелевской премии, и сообщение ТАСС, составленное в лучших традициях хрущевского литературного языка, о том, что Пастернак о визе не просил, а если попросит, чтобы «навсегда покинуть Советский Союз, народ которого он оклеветал в своем антисоветском романе «Доктор Живаго», ... ему будет предоставлена возможность покинуть границы Советской страны и лично издать «преlestи капиталистического рая»» (док. 35).

(К сожалению, цитаты приходится давать в обратном переводе).

Письма в защиту Пастернака продолжают приходить, среди них — от бельгийской королевы Елизаветы (адресованное Ворошилову).

В январе 1959 года отдел культуры предлагает центральному комитету больше не возвращаться к истории Пастернака, несмотря на то, что в Швеции продолжается враждебная антисоветская кампания. Однако советское посольство в Швеции сообщает, что в Швейцарии на личный счет Пастернака положено 900 тысяч долларов — за «Доктора Живаго»: «По словам нашего посла, эти деньги могут быть использованы антисоветскими организациями для создания фондов, имеющих враждебные по отношению к Советскому Союзу цели. Посольство рекомендует оказать давление на Пастернака, чтобы он перечислил их во Всемирный совет мира».

Надпись на документе: «Согласие дано» (док. 50).

С документа №54 начинается новая оргия преследований поэта.

Некто Кузьмичев, сопровождавший 30 января 1959 г. уругвайского журналиста, который посетил Пастернака в Переделкине, доносит 12 февраля (секретно): «Там уже находился Энтони Браун, английский журналист из «Дейли Мейл»... Пастернак и Браун говорили по-английски, на языке, которого я не понимаю (видимо, Кузьмичев знал испанский, потому и сопровождал уругвайского журналиста). ...Пастернак дал Брауну одно из своих «старых» стихотворений (как он сказал) для своей парижской приятельницы».

Издательское примечание: «Это было стихотворение «Нобелевская премия», написанное в январе 1959 г., которое должно было быть передано Жаклин де Прауйяр».

Документ №55 — доклад Главного управления по охране государственных тайн:

«13 февраля, 1959

Сов.секретно

Бюро агентства Рейтер в Москве получило следующую телеграмму: «Дейли Мейл» опубликовала 11 февраля интервью, данное Пастернаком Энтони Брауну. В разговоре Пастернак передал Энтони Брауну свое новое стихотворение «Нобелевская премия», которое также опубликовано газетой. «Дейли Телеграф» также публикует на видном месте интервью с Пастернаком их корреспондента Флойда».

Вот это крамольное стихотворение:

Я пропал, как зверь в загоне,
Где-то люди, воля, свет,
А за мною — шум погони,
Мне наружу ходу нет.
Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно,
Путь отрезан отовсюду,
Будь что будет, все равно.
Что же сделал я за пакость,
Я, убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.
Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора,
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра...

Документы 56 и 57 — сов.секретные, разумеется, доклады КГБ, составленные, по-видимому, человеком с семиклассным образованием, однако подписанные выпускником МИФЛИ А.Шелепиным, в то время возглавлявшим это учреждение. Из этих докладов мы узнаем, что Пастернак человек антисоветский и речи он еще в 1938 году произносил антисоветские (с цитатами), что в первые годы советской власти он был близок к акмеистам (чего не было), что во время Отечественной войны он был пораженцем (видимо, навет какого-то стукача военного времени), что люди, окружающие его и имеющие на него влияние, тоже глубоко антисоветские, в том числе жена Всеволода Иванова А.Эфрон, ДОЧЬ ПОЭТЕССЫ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ... Вдова Всеволода Иванова, Тамара Владимировна, вероятно, очень удивилась, когда это прочла. Вот вам и всезнающее КГБ — и на самом высоком уровне.

Документ №58 (27.02.1959). Совершенно секретно
Поручить товарищу Руденко, генеральному прокурору СССР, принять меры, вытекающие из обсуждения, имевшего место на заседании Президиума Центрального комитета.

Подпись

Товарищ Руденко за неделю перед тем прислал в ЦК проект декрета Верховного совета о лишении Пастернака советского гражданства и высылке его за пределы Советского Союза за то, что он предал советский народ, — по требованию этого народа. По существующему законодательству, объясняет товарищ Руденко, это не входит в компетенцию трибунала.

Документ №59 — копия допроса Пастернака. Допрос продолжался 2 часа. Занял 2 страницы печатного текста. «Ваши действия представляю-т особо важное государственное преступление и по закону... подлежат судебным преследованиям».

В сущности, поэт, написавший стихотворение «Нобелевская премия» обвинялся в измене родине. То что при Сталине было статьей 58-1б, по которой полагалась смертная казнь или 25-летнего заключение. Правда, в конце 1958 года наступило смягчение: срок заключения был определен в 15 лет.

В сопроводительной записке Руденко писал: «Думаю, что он (Пастернак) сделает выводы, вытекающие из угрозы судебного преследования».

В апреле 1959 года Пастернак просит разрешения получить причитающиеся ему за переводы романа деньги — ему этого не разрешают, и он от них отказывается.

Донысы, доносы, доносы — Поликарпова, Полевую, Воронкову...

И наконец — доклад отдела культуры о похоронах Пастернака. 4 июня 1960 года.

Подписан доклад заместителем Поликарпова Петровым и И.Черноуцаном. Подробно рассказано — в самом начале — о реакции Запада. Перечислено, кто из знаменитостей присутствовал. Подсчитано, сколько было пожилых людей («по-видимому, представитель старой интеллигенции»), сколько молодежи, из каких учебных заведений. И — вывод. «Необходимо, однако, обратить внимание Союза писателей и министерства культуры на необходимость усилить воспитательную работу среди молодежи, часть которой (ничтожная), настроенная фрондерски, старается превратить Пастернака в великого художника, не понятого своей эпохой».

Это документ №72.

Следующие четырнадцать (последние два от 30 апреля и 2 сентября 1985 года — письма Союза писателей Горбачеву о создании музея Пастернака на его даче, еще через пять лет этот музей был открыт) в основном касаются денежных проблем: после смерти автора Советский Союз все-таки стремился заплатить причитавшиеся ему деньги, упирая на права наследников. Чем это кончилось — мы не узнаем, да и не наше это дело.

Остается только понять, под какую статью советского уголовного кодекса подпадает то, что было проделано с Пастернаком.

Убийство с целью грабежа?

РУФЬ ЗЕРНОВА,
ИЛЬЯ СЕРНАН

Иерусалим—Вермонт